

ОДНА НОЧЬ

18+

Анастасия Медведева

Одна ночь

«Автор»

2026

Медведева А.

Одна ночь / А. Медведева — «Автор», 2026

Одна ночь забрала у Мэгги родителей и разделила её жизнь на «до» и «после». С тех пор она пыталась понять, было ли увиденное плодом детского страха или все остальные просто предпочли этого не заметить. После гибели родителей Мэгги оказалась в закрытом психоневрологическом интернате. Поначалу он показался обычным местом, где забывают о «неудобных» детях. Но именно здесь она нашла первую нить, способную привести её к разгадке тайны той самой ночи, которая отняла у неё родителей.

© Медведева А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
I	6
II	7
III	9
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Анастасия Медведева

Одна ночь

Пролог

Когда Мэгги было тринадцать, она была вынуждена защищаться от мира. Тихо выбравшись из-под стола, где пряталась, она выхватила пистолет из рук лежащего на полу мертвого отца и выстрелила в того, кто вторгся в дом. Стреляла, пока не кончились пули. Толком и не видела, куда они летят из-за слез в глазах. Когда Мэгги поняла, что больше не может стрелять, она со страхом выронила оружие и побежала из дома, как можно быстрее.

I

Девочку поместили под присмотр врачей в специальный психоневрологический интернат. Он находился за городом, а с одной стороны к его территории подступал лес, в котором нашли Мэгги. Раньше здание служило религиозным пансионом, и некоторые следы прошлого сохранились до сих пор. Бывшую часовню превратили в актовый зал, а в столовой на одной из стен всё ещё проступал выцветший контур снятого креста. Огромное кирпичное строение издали напоминало средневековую крепость. Территорию окружала высокая стена, из-за которой с первого этажа почти не было видно ничего, кроме неба. Внутри здание сохранило часть прежнего облика. Вдоль коридоров располагались высокие окна с витражными вставками в верхней части; снаружи их закрывали решётки. Полы покрывал тёмный паркет, потолки казались непривычно высокими, а кое-где на кирпичных стенах сохранились старые канделябры, давно ставшие лишь элементами декора. На этом фоне детские палаты выглядели особенно безлико: зачастую в них стояли только две кровати и два стола. Самих детей было немного, поэтому значительная часть огромного здания пустовала.

Детям в интернате не принадлежало ничего. Даже белье выдавали из общей корзины каждый день. Но некоторым по назначению психиатра выдавали специальные блокноты – дневники, которые обязательно проверялись каждую неделю на сеансе у психиатра. Мэгги такой роскоши не досталось, но зато у нее были личные бумага и карандаши, которые дала медсестра Коуи. Она жила на территории интерната, в одной из служебных комнат закрытого крыла, поэтому казалось, что она почти никогда не покидала это место. Девочка не знала о Коуи практически ничего. Только то, что та часто и много курила. Каждый раз, проходя мимо комнаты отдыха для медсестер, Мэгги замечала, как в пепельнице лежит еще не докуренная сигарета, а Коуи уже прикуривает новую. Руки медсестры при этом заметно дрожали – ходили слухи, что она пьет, кто-то говорил, что это наследственное. Многие дети боялись Коуи: по их мнению, она была жесткой и злой. Но Мэгги замечала, что в ее халате всегда лежали мятные леденцы, которые она раздавала особенно испуганным и молчаливым пациентам.

Какое-то время Мэгги жила одна в палате, спустя месяц к ней присоединилась Ханна. Первое время девочки только привыкали к совместной жизни и почти не разговаривали. Прошло несколько недель, и Мэгги начала замечать, что соседка украдкой поглядывает в её сторону, будто собираясь что-то сказать. И однажды во время одной из ежедневных прогулок Ханна подошла и протянула на руке небольшой серый камень.

– Что это? – не скрывая недоумения спросила Мэгги.

– Это камень дружбы. Раньше я браслеты плела. Ну, такие... Для подруг. Но тут ниток нет.

Мэгги посмотрела на девочку. У нее тоже не было друзей, все вокруг казались странными.

– Мы живем вместе, и я подумала, может... Будет здорово, если мы подружмся по-настоящему? – Ханна улыбнулась, но уголки ее губ слегка дрожали.

Мэгги положила камешек в карман кофты и улыбнулась в ответ.

II

Камень приятно нагрелся в кармане, и Мэгги ловко крутила его двумя пальцами, не доставая наружу. Это было лучше любого антистресса – иметь такой символ дружбы. Это успокаивало ее. Девочки, как это было обычно по утрам, шли на завтрак. Столовая находилась на первом этаже, и им следовало бы поторопиться, но они шли медленно, то и дело поглядывая друг на друга и немного улыбаясь. Казалось, ни Ханна, ни Мэгги не знали, что делать с этой новой дружбой, и вели себя местами неловко.

– Ты знаешь что-нибудь про космос? – спросила Ханна, пытаясь найти ту точку, с которой можно было бы начать разговор.

– Ну... Дома была книга, которую я быстро пролистала один раз. Энциклопедия. Про звезды, там, про черную дыру.

– Мой папа рассказывал мне классные истории, и я много знаю и про звезды, и про эти черные дыры.

– Твой папа любит космос?

Ханна замялась:

– Да, он любил космос, – голос ее слегка дрогнул и Мэгги поняла, что в семье что-то произошло, но расспрашивать не стала.

– Тогда я с удовольствием послушаю твои истории. Мне всегда это казалось таким сложным, поэтому я не особо интересовалась. Я больше люблю музыку. Мы часто пели с родителями. Папа играл на гитаре, а мы с мамой подпевали, – Мэгги улыбнулась собственным воспоминаниям, но тут же с горечью выдохнула.

Ханна воодушевленно посмотрела на подругу.

– Тогда сегодня вечером после отбоя предлагаю вот, что: – она остановилась и развернулась к Мэгги, широко улыбаясь, – с меня история, с тебя песня.

В столовой уже во всю гремели тарелки. Девочки набрали еды на подносы и заняли чуть ли не последний свободный стол посередине зала.

– Ненавижу овсянку, – Мэгги поковырялась ложкой в густой каше и сморщила нос.

– Мама говорит, она нужна для того, чтобы быть красивой.

Мэгги недоверчиво посмотрела на подругу.

– Но она противная на вкус, как... Рисовая каша.

Ханна тихо посмеялась:

– Так ты вообще никакие каши не любишь.

– Гречневая ничего так. Но не тут. Тут даже булки не вкусные.

– Кстати начет булок..., – Ханна ехидно посмотрела на подругу и кивнула головой, указывая на соседний стол. – Я назвала её «булочка».

Мэгги сразу поняла, о ком говорит подруга. Она улыбнулась, потому что прозвище как нельзя лучше подходило пухловатой девочке.

– Потому что она ворует булочки?

– Она не ворует, – деловито поправила Ханна, – просто повар на раздаче всегда дает ей одну дополнительную. Не уверена, что это разрешено.

Она допила компот и громко поставила стакан на стол. Взгляд ее остановился за спиной Мэгги.

– Смотри, Молли опять плачет.

В самом конце столовой под маленьким столом сидела девочка, обхвативши колени. Она негромко всхлипывала, и в этот момент голова ее слегка приподнималась.

Ханна наклонилась ближе через стол и начала шептать:

– Как думаешь, это доктор Созлан ее довел?

Мэгги заметила, как тот самый доктор, о котором говорила подруга, зашел в двери столовой и направился прямо к столу Молли.

– Не уверена. Все-таки она знает его очень давно. Может просто кошмар ночью приснился.

На этих словах Ханна пристыженно опустила голову. Кому как не ей было знать о том, какими жуткими бывают сны. Иногда после них и из палаты выходить не хотелось то ли из-за страха, то ли из-за стыда.

Доктор Созлан сел на корточки и что-то сказал Молли, после чего та взяла его за руку и вышла из-под стола, вытирая слезы. Они вместе направились к выходу. Девочки молча наблюдали за ними.

Ситуация с плачущей под столом Молли повторялась уже третий завтрак, и дети перешептывались между собой о причинах. Кто-то, как и Мэгги, говорил о кошмарах, кто-то рассказывал сказки о побочных явлениях новых лекарств, а кто-то и вовсе заключал, что девочка сумасшедшая, поэтому ей не нужны особые причины для слез.

III

Свой первый день в интернате Ханна помнила размыто, но некоторые детали плотно засели в ее памяти: мать, вытирающая слезы салфеткой; улыбающийся медбрат со слегка подергивающимся глазом; пугающий скрип двери главного входа и летняя духота коридора, по которому её вели. Она совершенно не понимала, чего ждать, и тревога разрасталась в ее груди, словно плющ.

Первым, что увидела Ханна в интернате, был небольшой кабинет. Медбрат указал на кожаный диван справа от дверного проёма и попросил подождать. Девочка огляделась. Напротив дивана стоял резной стол из тёмного дерева, на котором были только чернильница с пером, явно выполнявшие чисто декоративную роль, и табличка с надписью «Доктор Р. Созлан». Позади стола возвышалось кожаное кресло с деревянными подлокотниками, больше похожее на трон. По правую сторону от Ханны вдоль всей стены тянулись деревянные шкафы, до отказа забитые папками, книгами и бумагами.

– Добро пожаловать, – в дверном проеме появился мужчина.

Он закрыл дверь, потом уверенным шагом прошел внутрь кабинета и сел на кресло, положив блокнот и ручка перед собой. Он облокотился на стол и сцепил пальцы.

– Меня зовут Доктор Роберт Созлан, но ты можешь звать меня просто Доктор Созлан, – он внимательно посмотрел на Ханну, как бы оценивая ее состояние.

– Меня зовут Ханна, – едва слышно ответила девочка.

– Очень приятно, Ханна. Ты знаешь, где ты находишься?

– В специальном заведении, где мне помогут.

– А с чем конкретно тебе нужна помощь? – доктор откинулся на спинку кресла.

Ханна замолчала, взвешивая то, что нужно сказать:

– С моими снами.

– Расскажи, пожалуйста, что не так с твоими снами?

Девочка отвела взгляд в сторону и начала теревить рукав кофты. После небольшой паузы, не глядя в сторону доктора, она произнесла:

– Они жуткие.

– Они тебя пугают, верно?

– Да.

Доктор Созлан достал ручку и бумагу из ящика стола, и начал что-то активно записывать.

– Как часто ты их видишь?

– Теперь несколько раз в неделю.

Доктор перестал писать и посмотрел на пациентку:

– А раньше?

– Раньше реже, – Ханна неуверенно взглянула на врача.

– Как тебе самой кажется, почему страшные сны стали приходить чаще?

– Нет... Ну, может... Они стали чаще приходить после того, как папа умер.

– Хорошо, что ты это заметила, Ханна. Мне очень жаль, что твоего отца больше нет. Подробнее о твоих снах мы обязательно поговорим, но теперь расскажи, пожалуйста, как ты себя чувствуешь, когда бодрствуешь? О чем часто думаешь, может быть, вспоминаешь что-то?

– По-разному. Иногда плачу, когда папу вспоминаю.

Доктор снова начал записывать, а девочка замолчала, потому что не хотела делиться большим.

Ханна очень скучала по отцу. Она скучала по тому, как он напевал себе под нос никому не известные мотивы. По тому, как он подмигивал ей, когда шутил над мамой. И по тому, как летними вечерами часами сидел на веранде и смотрел на восходящую луну под треск цикад.

Несмотря на то, что последний год папа часто злился, исчезал и отношения родителей испортились, после его смерти оказалось, что его присутствие наполняло дом жизнью. А пустота оказалась страшнее любых семейных скандалов. Она постепенно разрушала и маму, и Ханну.

– Хорошо, – доктор захлопнул блокнот, – я хочу, чтобы ты приходила ко мне раз в неделю. Мы будем обсуждать твое самочувствие, твои кошмары и твою адаптацию в интернате. И вот еще.

Он встал и, подойдя к шкафу, взял небольшой голубой блокнот:

– Пожалуйста, в конце каждого дня записывай сюда всё, что считаешь нужным.

Доктор подошел к Ханне и протянул блокнот.

– Что например? – девочка нерешительно взяла его и положила на колени.

– Все, что захочешь: как прошел твой день; что ты чувствовала, плакала ли, смеялась; с кем ты подружилась, о чем вы говорили. Но хочу тебя предупредить: на наших еженедельных встречах я буду прочитывать твои записи.

Девочка недоверчиво отвела взгляд. Тогда доктор присел на корточки, чтобы их глаза оказались на одном уровне, улыбнулся и спокойно добавил:

– Ханна, ты должна понять одну очень важную вещь: я не просто какой-то посторонний человек, я твой доктор и, прежде всего, хочу тебе помочь. Поэтому не стесняйся и не бойся писать в своем новом дневнике все, что придет на ум. Я никогда не стану тебя ругать или смеяться над тобой. Процесс твоего выздоровления будет идти быстрее, если ты мне немного в этом поможешь, хорошо?

Ханна посмотрела на доктора и ничего не ответила. Доктор встал и открыл дверь:

–

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.